

**ПОТЕНЦИАЛ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В ГРОТЕСКНО
ДОМИНИРОВАННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА)**

Д. Г. Хамзе, ассистент

*Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского,
Болгария*

Email: didiham@abv.bg; hamze.didi@gmail.com

Цель настоящего исследования заключается в выявлении возможности многоаспектного аргументирования роли разговорного языка в рамках гротескного изображения в художественном тексте, в зондировании эстетико-стилистической интеграции (фузии) в поле гротеска и взаимной индукции гротеска и разговорности, а также в выявлении разговорного языка в литературном произведении как генератора плодотворной коммуникации между Автором и Читателем. Главные результаты проведенных изысканий относятся прежде всего к языку, воспринимаемому как когнитивно-прагматический и эстетико-динамический феномен в многообразных его ипостасях, а именно: способности разговорности артистического слова (в конкретном случае польского писателя Витольда Гомбровича) возрождать, оплодотворять и деформализовать язык; перформативности разговорного языка в гротескной картине как «усилитель» коммуникативной плотности диалога Автор – Читатель; общностной природе разговорного языка как создателя и катализатора гротескного дискурса; текстотворческой роли гротескной образности с разговорной «окраской», предотвращающей риск редувантности в тексте; разговорном аффицитете гротеска, выявляющем его гетерогенность, которая соответствует «мультистилистической» сущности разговорного языка, снимающей, по подобию гротеска, иерархию и егалитаризирующей бытийности; разговорности в гротескной панораме, которая доказывает свой универсальный характер, что делает ее наднациональной, надэтнической категорией и утверждает факт, что «устный» язык обогащает письменный.

***Ключевые слова:** коммуникация, разговорность, художественность, когнитивная прагматика, гротеск, Автор, Читатель*

Актуальность предпринятых изысканий подтверждается обстоятельством, что выбранная проблематика в своей интегративной и синкретической целостности вообще не исследована. Гротеск даже как эстетическая категория в принципе мало разработан, а в перспективе его лингвистических проявлений отнюдь не представлял интереса для ученых. Разговорное «быть» гротескного изображения в художественной среде как неоценимый вклад в артистичное текстуальное пространство и наоборот – художественная канва как богатый ресурс для обогащения и эстетизирования разговорного языка, не становились объектом изучения (анализа) ни с точки зрения семантики, стилистики и прагматики, ни с точки зрения эстетики. Исследователи разговорного «стиля» занимались (и занимаются) преимущественно его конкретными речевыми применениями в кононичном русле понимания термина «стиль», без учета деривативных зависимостей, кореферентных связей и интеракции между стилями, а в частности между разговорной и художественной версией языка посредством гротеска. Интерес к подобной проблематике привел бы к ценным практическим результатам и взаимным пользам этого взаимодействия, которые обновили бы науку вообще и расширили бы ее границы. Такой эстетический «триптих»: разговорность – гротеск – художественность побуждает к переосмыслению немало перципированных классическим образцом философско-лингвистических категорий и понятий, таких как: семантика, стиль, текст, речевой акт, перформативность, дейксис, повторение, в их гармонической взаимосвязанности, а также к активизированию (и стимулированию) интердисциплинарных инициатив по отношению к т. н. языковедческим исследованиям. В сущности чистый термин «языковедение» уже почти несостоятелен и постепенно становится анахронизмом.

Только постоянная интерференция между науками приведет к аутентичным и перспективным результатам.

Есть немало важных исследований, индиректно связанных с осваиваемой (рассматриваемой) мною проблематикой, которые сыграли роль ассоциативного старта, отправного пункта и источника вдохновения для моего зондажа в перспективе креолизации и синкретизации когнитивных векторов в их разнообразных языковых перевоплощениях. В процессе ознакомления с этими разработками объект моего исследования, а именно функционирование (динамичная экзистенция) разговорного языка в рамках гротескно доминированного художественного текста, так как и его предмет: чрезвычайно благодатное в этом ракурсе творчество В. Гомбровича, сами выкроились. Исследования А. Фурдаля о широко понимаемом разговорном языке, при помощи которого мы имеем возможность описывать внутреннюю дифференциацию отдельных этнических языков; А. и П. Вежбицких о кардинальном значении разговорного языка для поддержки и обновления письменного языка, с акцентом на прогрессивной роли разговорности; Е. Бартминьского с его оригинальной антропологической концепцией стиля как категории, в центре которой находится разговорный язык как деривационная база, «протостиль» и «интерепретант» (последние два термина – мои, Д. Х.) для остальных стилей; А. Залевской с ее новаторской теорией о слове как живом, внутреннем поликодовом гипертексте и З. Мишиньского о семантической структуре языка, которая не универсальна, а зависима от процессов концептуализации – «передвигаются» в орбите исследуемого мной объекта. На фоне разрабатываемой К. Высочаньским проблематики прототипа, стереотипа и архетипа, выделяется креативный дух архетипа в разговорном естестве гротескной структуры художественного текста и его роль «уплотнителя» разговорности. В своей теории текста Х. Ватер обращает специальное внимание на проблемы когезии и когеренции (с акцентом на последней), которые в моем зондаже стали исходным пунктом в «прощупывании» их роли в разговорной версии гротеска в литературном произведении. Прекрасные обзорные исследования Ю. Апресяна об обширном референциальном и функциональном диапазоне дейктиков, В. Ли о новых производных значениях девербативов как продуктов семантической деривации в пределах заданного семантического континуума, С. Йодловского о роли инфинитива, который изолируется от протекания действия и не оценивает его логически (в том состоит, на мой взгляд, его трансцендирующий потенциал, выхваченный гротеском), – были весьма полезны для моего целенаправленного зондажа. Анализ предложений и непредложенческих высказываний М. Вишневого и расширенная трактовка перформативности, т.е. теза о перформативном характере любого высказывания И. Новак, помогли мне в аргументировании рельефно языковых и действенно-коммуникативных применений гротеска в разговорно-художественном контексте.

Выбранный объект исследования ставит следующие задачи-вопросы, которые ищут и, надеюсь, находят хотя бы в какой-то мере свое решение в ходе разработки:

– Как, благодаря разговорной «магме» гротеска в художественном тексте, порождается «трансцендентность», которая приобретает доступность и реализуемость для адресата.

– Как при помощи разговорно-художественного «выдания» гротеска переосмысливается традиционная стилевая дистрибуция и релятивизируется понятие «стиль» и как формируется новое понимание стиля в качестве функции коммуникативной цели сообщения. Изыскания в этом направлении рассеят терминологичную «туманность» бинама язык-стиль и освободят иронию ригористической стилевой спецификации.

– Как разговорный язык и его гротескогенная природа в художественном тексте докажет необходимость углубления и конечного применения антропоцентричного подхода в лингвистике.

- Как эволюирует разговорный язык в рамках художественного и что художественный выигрывает от того.
- Как разговорная стихия гротеска с ее оксиморонной эстетикой эрозирует Форму, обеспечивая трансцендирование формальных конструктов и их превращение в над-формальные сверхбытийности.
- Как разговорная подкладка гротеска в художественном тексте заставляет нас посмотреть по-новому на семантику слова как на компендиум (ансамбль) равноценных значений, каждое из которых актуализируется в нужный момент.
- Какова роль и влияние архетипа в гротескной зоне для усиления и упрочнения разговорной когезии между коммуникантами.
- Как дейксис в ареале гротеска стимулирует разговорность в пространстве художественного текста.
- Как проявляется роль синтаксиса в качестве Антиформы в разговорно-художественном гротескном дискурсе.

Основные методы, которые применяются в исследовании, это аналитично-интегративный метод перспективного критического анализа и когнитивно-прагматический метод. Критически зондируются наличные изыскания ученых, очерчиваются их перспективные ракурсы с учетом выбранной мной стратегии, а также обосновывается актуальность и своевременность настоящего исследования с точки зрения когнитивной и прагматической трактовки проблематики. Подобная трактовка верифицирует важность и убедительность доводов.

1. Разговорный язык – текстуальный «стержень», текстуальная «рампа» и генератор эстетики в художественном высказывании

1.1. Диалог – это разговор, а разговор возникает и формируется в разговорной сфере языка, «снабжающей» вербальное общение материалом для выражения серий речевых актов. Катализатором диалога является множество коммуникативных стимулов.

Перед тем как выделить «заслуги» разговорного языка, и в частности, его гротескного перевоплощения, для внесения разнообразия и обогащения ментального диалогического пространства, в котором движутся Автор и Читатель, мы хотели бы подчеркнуть вклад Т. Милевского в изучение роли речевых актов в лингвистике. Закладывая основы прагмалингвистики в 50-ые годы прошлого века, он выделяет речевой акт как важнейший предмет языковедения.

1.2. Ссылаясь на утверждение П. Робена (P. Roben), Ал. Киклевич подчеркивает, что понятие «средний», стандартный язык, который для многих лингвистов представляет единственный описательный объект, – это научная абстракция. На самом деле существуют только стили, социолекты или «техники говорения», с тем уточнением, что степень стилистической маркированности языковых единиц разная [1, с. 252].

А. Фурдал придерживается широкого понимания разговорного языка и определяет его как «разговорный устный культурный язык» («język potoczny mówiony kulturalny») [2, с. 139–144]. Разговорный язык – это фундамент всех мировых языков и точкой отсчета для описания внутренней дифференциации отдельных этнических языков. Двигаясь в его сфере, мы всегда можем сослаться на свое языковое чутье.

Соотношение устный язык – разговорный язык в семантико-функциональном аспекте имеет не оппозитивный, а скорее субститутивно-комплементарный характер. Основное различие данных двух языковых проявлений сводится к их форме бытования – устный язык обслуживает устную коммуникацию, а разговорный – и устную, и письменную. Второе различие таксономическое: разговорный язык представляет неофициальный вариант устного языка. Здесь, конечно, всплывает терминологическая «туманность» биннома язык – стиль: с одной стороны, мы оперируем термином «разговорный стиль» в качестве подсистемной неофициальной

разновидности устного языка, с другой стороны, однако, не следует приравнять разговорное проявление языка, называя его «стилем», к другим стилям – его производным, для которых разговорный слой – матрица и «сырьевая база» (депо). Ввиду терминологического «синкретизма», для означения разговорного направления языка в настоящем исследовании будут использованы как взаимозаменяемые оба термина – язык и стиль.

1.3. А. и П. Вежбицкие подчеркивают кардинальную роль разговорного языка для поддержки и обновления письменного языка: «Tolerancja wobec ekspansji «mówioności» w języku pisanym jest tolerancją wobec postępu» («Толерантность к экспансии «разговорности» в письменный язык – это толерантность к прогрессу») [3, с. 17]. Устный язык, который в большой степени, хоть и не полностью, совпадает с разговорным, является основным фактором и барометром не только для взаимного понимания в коммуникативном плане, но и для обогащения и совершенствования письменного языка.

Разговорный язык в поле художественной литературы эстетизируется, приобретает высокую эстетическую ценность, но это не делает его менее разговорным, как и его «разговорность» не делает художественную литературу менее художественной. Напротив, от их интеграции и взаимной индукции рождается настоящая, «самородная» эстетика. Разговорный язык наиболее рельефно иллюстрирует эффективность функционального «триумvirата» в тексте (тройного сочетания репрезентативной, экспрессивной и импрессионной функций) и выделяет роль адресата / Читателя в воссоздании и досотворении гротескной образности. Разговорный язык подпитывает гротеск, а он, со своей стороны, дает ему новый толчок, делает его более гибким и динамизирует его.

2. Разговорный язык – стилистический субстрат и деривационная база для остальных стилей

Антрополого-лингвистическая концепция стиля Е. Бартминьского ставит в центр стилистической панорамы разговорный стиль (styl potoczny – польск.), воспринимаемый как источник и фундаментальная матрица, подпитывающая остальные стили. В деривационной теории польского ученого разговорный стиль исполняет роль инварианта, универсального стилистового прототипа относительно своих производных. О его доминантной культурологической позиции свидетельствуют следующие особенности:

- 1) имеет непосредственное отношение к элементарным нуждам человека и общности;
- 2) содержит запись первичных и основных элементов человеческого мира;
- 3) содержит наиболее устойчивые структуры человеческого восприятия действительности и человеческого мышления;
- 4) играет роль интерпретанта остальных языковых стилей – когда мы хотим передать своими словами («проще говоря», «иными словами», «вкратце») специализированный в стилистическом отношении текст [4, с. 15].

К этим характеристикам мы хотели бы добавить и его социативно-интегративную природу, его динамичный и метаморфический характер. Следовательно, разговорный стиль как протостиль словно содержит в «эмбриональном» виде все остальные стили. Это возможно, благодаря языковой картине мира (potoczny obraz świata – польск.) в ее «разговорном» перевоплощении с типичными ее квалификациями: эмпиричностью и утилитарностью, диалогичностью и интегральным взаимопониманием, солидарностью, рациональностью и экзатичностью, а также гетерогенностью и релятивизмом.

3. Разговорно-художественный язык В. Гомбровича как носитель и проводник гротескной образности

Гротеск вносит разнообразие в выразительный и «изобразительный» потенциал разговорной платформы художественного стиля. На его территории встречаются на первый взгляд несовместимые стили, чтобы проявить свои интерактивные

способности и посредством гротескной образности влить новую струю в развитие разговорного языка.

3.1. Разговорный язык – откровение, «золотой прииск» и «изобразительная» стихия для гротеска. Фальшивые нотки и лицемерие в мышлении и поведении, отраженные в разговорном «паноптикуме» польского писателя, подвергнуты гротескной обработке и скрывают иронию как непонимания роли самого гротеска, так и генеративной способности самого языка. Разговорное проявление языка в качестве праисточника стилей превращается под «управлением» автора в иронию аккуратной стилевой дистрибуции, стилевых разновидностей.

3.2. Разговорный язык как наиболее благодатная почва для гротескных операций (он самый гибкий, пластичный, свободный, креативный, инвентивный и антидогматический), становится панацеей для боли человека от психического сотрясения, причиненного неизбежной антиномией человек – мир. Гротеск «спасает» человека от мира, потом возвращает его в мир путем его возвышения в другой – ирреальный, но на самом деле «более реальный», чем реальный, мир и посредством интеграции между двумя мирами обеспечивает ему обогащенную, новую реальность, в которой его присутствие не только адекватно, естественно, но и креативно. Более того, путем трансцендентного переноса гротеск возвращает мир человеку, а путем игровой эстетики делает его «владельцем» и мира, и языка.

4. Разговорный язык как «лакмус» для семантической креативности индивида

4. Разговорный «облик» языка наиболее ярко отражает и на практике «проверяет» солидность психолингвистической теории А. А. Залевской, согласно которой значение слова в человеческом лексиконе идентифицируется лишь после его включения во внутренний поликодовый гипертекст, представляющий мультимодальный продукт в результате переработки разнородного познавательного и коммуникативного опыта [5, <http://gisap.eu/ru/node/12631>] Естественный семиозис и сети эмоционально-аксиологически маркированного знания находятся в ко-референтной зависимости. Двойственная жизнь вербального значения (в социуме и в ментальном лексиконе) помогает индивидууму заглянуть за пределы слова, идентифицировать и претворить картину мира, которая путем соответствующей организации и навигации может быть интерпретирована как живой поликодовый гипертекст, без которого невозможны и понимание, и согласие. Скрытое за словом представляет собой функциональную динамическую систему, а фон на самом деле – это идентифицирующий контекст, напоминающий голограмму картины мира. Слово генерирует значение, именно благодаря присутствию этого фона. Русская исследовательница с полным основанием констатирует, что термин «экстралингвистическое знание» слишком сужен и выдает игнорирование специфики **знания-переживания, т.е. живого, онтологического знания** [там же]. Тело и разум в постоянном взаимодействии, следовательно знание «распределяется» между сенсорикой и интеллектом как комплементарные механизмы [6, <http://gisap.eu/ru/node/29004>].

4.2. Когнитивная теория о значении слова тоже подтверждает эти наблюдения. Слово не семантический «контейнер» определенной емкости, а его значение есть динамическая структура, варьирующая в зависимости от ее непостоянного места в сложной сети поливалентных векторов, соединяющих интра- и интерсмыслово целые концептуальные констелляции. Значение – ментальный феномен, который следует описывать инструментарием когнитивного претворения. У семантики не модулярный [7, с. 31], а моделирующий характер, потому что у нее нет определенных, зафиксированных границ. Как отмечает польский лингвист З. Мушиньский, семантическая структура языка не универсальна, а зависима от процессов концептуализации, от социального и индивидуального опыта пользователя языка, как и от специфики образотворчества [там же]. А образотворчество, со своей стороны, – это способность «создавать портрет» одного и того же события (сцены, ситуации) с

помощью альтернативных средств; это естественная способность человека «сковывать» альтернативные рамки значения [по 7, с. 31]. Сам способ концептуализирования мира, как и занятие позиции относительно него, имеет семантические, стилистические и прагматические основания. Эти процессы, однако, неспециализированны, они не формируют какой бы то ни было гармонической целостности и даже содержат противоречивые элементы. Кроме того, значение не есть исключительная «привилегия» слова, оно рождается в отношениях между словами, приобретая пространственные измерения. В. Гомбрович отражает цепную семантизацию словесного континуума с помощью решающей роли повторения 4.3. Кроме того, нет более или менее важных значений – все они равноценны. Деиерархизации значений в семантической интерференции между концептами в гротескном изображении сопутствует или скорее всего предшествует, «инцидентная» пере-иерархизация сем в семантическом реестре данной единицы, вследствие чего в качестве доминантной (в данном случае) выделяется та или иная сема в зависимости от коммуникативной цели. Так некое якобы маловажное, забытое или пренебрегаемое значение всплывает на поверхность и становится решающим для смысловой идентификации текста, для адекватного толкования и восприятия его посланий. Эмблематичными в писательском деле Гомбровича являются лексемы *geba* (грубо – «рот, губы, полость рта; речь; лицо, щека») и *pira* (детское – «попа, попка»), которые есть просто субституты и метаморфозы Формы.

4.4. Гротескная архитектура творчества Гомбровича, требуя «элитарной» рецепции, т.е. высоко интеллигентных, утонченных и эрудированных читателей, отражает эгалитарный принцип сегогенеза и холистическую конфигурацию значения. Гротеск «визуализирует» ведущую роль метонимии, которая замещает не только понятия, не только отдельные семы в семантическом диапазоне языковой единицы, но и другие слова, с которыми сочетается в ассоциативном плане. В гротескной образности корелляция между языком и человеком примиряет «владение» языком со стороны человека с «владением» человеком со стороны языка, несмотря на то, что, как утверждает А. Пайджиньска, в принципе второе берет верх. Но гротеск превращает эту «гегемонию» в философско-эстетический «козырь» в руках производителя речи и хотя бы играючи берет ее в свои руки. Покоренный языком, он становится его креативным «импресарио».

Революционно-подрывная стилистика, детонирующая языковой этикет посредством демонстративных спотыканий, нечленораздельных артикуляций, каскадов неологизмов, синтаксической эквилибристики, эпанапептичных повторений, сплошного дейксиса – все это и ряд других инноваций делают «разговорный» язык В. Гомбровича бунтарски эвристическим. Эта «варварская» эстетика извлекает его архетипную непереходность, свежесть и упругость. Писатель словно обнажает первичный инстинкт языковой материи, поддерживающий наше существование, а кажущуюся нашу «слабость» превращает в силу.

4.5. Язык является и угрозой для человека, но сам язык тоже находится под угрозой – людей, нивелирующих его и злоупотребляющих им, в попытках обмануть себя, что он «у них в руках» и что они располагают им. В. Гомбрович спасает его гротескными открытиями, которые ему щедро предлагает разговорная «пластика». Языковая «диктатура» неизбежна, но с силой и магией гротеска она словно сливается с духом своего производителя, либерализуется и играючи де-формализуется – посредством артистической свободы разговорного слова.

5. Языковая ревитализация архетипа – стимул для консолидирующей разговорности литературного общения.

5.1. Разговорный язык, как наилучшая иллюстрация языковой картины мира (ЯКМ), представляет синкретическое единство и сложную конфигурацию прототипов, стереотипов и архетипов, к которым можем добавить и идиотипы.

Прототип – идеальный представитель данной категории, который выглядит самым типичным для нее. Ближе к этому понятию понятие архетип. Как элементы

коллективного бессознательного, архетипы являются психологическими репрезентациями неизбежных реакций на типичные положения и представляют поведенческие образцы. К. Височаньский называет их перепрототипами по отношению к прототипам [8, с. 84].

Стереотипы – продукт и носитель культуры. Создатель понятия В. Липпман (W. Lippman) определяет его как односторонний, частичный и схематический образ в человеческом сознании, касающийся какого-либо общественного явления, и вместе с тем – оценки этого явления [по 8, с. 85]. Стереотипы – это фокусы нашей общественно профилированной принадлежности, они обеспечивают наше коммуникативное продвижение и нашу речевую оперативность в человеческой среде, но в то же время выдают унифицирующее «угнетение» Формы, которое вызывает контрреакцию самозащиты посредством идиотипа или инвентивно-креативного моделирования архетипа, преобразующего его в идиотип.

5.2. Путем использования архетипных структур в гротескной образности В. Гомбрович создает свои уникальные идиотип и идиолект, уничтожающие ментальные и языковые «метастазы» стереотипа. Польский писатель делает философско-эстетическую попытку одолеть сплошной паралич антропологического потенциала, организовав лингвистическую экспедицию по архетипным маршрутам. Поражения, наносимые цивилизационной моделью, компенсируются путем переоткрытия **архетипа**. Архетипный субстрат языка – это коммуникативная платформа, а языковая инициация посредством омнивалентной универсальной лексемы *Berg* в романе *Космос* превращается в барометр для нарастающей разговорности в коммуникативном тандеме Витольд – Леон. Ее разговорные энергии актуализируют и иллюстрируют нашу генетическую связь с архетипом; играют роль ключа к нашей архетипной ретро- и интроспекции.

Интерактивная разговорность в диалоге между героями переназывает вещи, чтобы снова их открыть или создать заново. Смывается граница между словом и предметом. Разговорной фактурой **неологичного «полиптиха»** В. Гомбрович в *Космосе* словно сотворяет новую естественную историю, которая должна объединить в одну единственную многофазовую операцию то, что повседневный язык держит разделенным. Архетипы закодировали информацию о скрытых возможностях человеческой психики – огромный, неисчерпаемый материал изначального знания о лучших взаимосвязях между Богом, человеком и Космосом. Обнаружить в собственной психике этот материал посредством разговорной консистенции языка, пробудить его для новой жизни и интегрировать в сознании, означает положить конец одиночеству индивидуума и дать ему возможность вписаться в процесс вечного происхождения событий.

6. Роль текстуальной когезии и когеренции для разговорного колорита гротескной образности В. Гомбровича

Текст как семантический континуум представляет перманентную коммуникацию нарратора с Автором, Автора с самим собой, Автора с Читателем. Смыслогенез является и коммуникогенезом. Он представляет собой энергетически-коммуникативный обмен между значениями, вещами, субъектами... Этот обмен возможен благодаря когезивно-когерентной структуре текста.

Когезия – поверхностная спайка между языковыми единицами на семантико-синтаксическом уровне в соответствии с грамматическими нормами, а типичные средства для ее выражения – это субституция и эллипс. Когеренция бифункциональна: в широком смысле она имеет более глобальную и глубинную специфику, так как касается конфигурации предложений, связанных в тексте, и охватывает все виды грамматических (и даже аграмматических или антиграмматических) зависимостей и семантических отношений, т.е., что касается формально-грамматических средств для текстуального сцепления, она наслаивается на когезию, но дает преимущество семантическим структурам; в узком смысле она отщепляется от грамматической когезивности текста, чтобы выделить ее

семантическую первооснову и указать конститутивные структуры понятийных и когнитивных связей, созданных в тексте. Когеренция – познавательный процесс. Она выражается во взаимном доступе понятий и отношений друг к другу, обеспечивает преемственность смыслов, порой даже против правил грамматической сочетаемости. Кореференция в текстуальном пространстве показывает, что мир текста не должен непременно соответствовать так называемому «реальному», т.е. установленному и общепринятому обществом, миру. Разговорная фактура Гомбровичева языка в гротескной панораме раскрывает эстетико-трансцендентную «реальность» художественного (фикционного) мира именно благодаря кореферентному смысловому синхрону и силе кореферентных связей.

Когезия отнюдь не является облигаторной. Когезивные маркеры не обязательны и не достаточны для генерирования текстуальной структуры. Обязательны и достаточны когерентные связи, т.е. семантико-когнитивные зависимости между предложениями, вытекающие из смысла использованных выражений и видов референтных конъюнкций между фразами.

7. Дейксис в гротескной образности – репрезентат и стимул разговорности

Обширный референциальный и функциональный диапазон дейктиков был блестяще представлен Ю. Д. Апресяном, который включает в состав данной категории богатый набор языковых проявлений (лексических, грамматических и коммуникативных) и связывает ее с другими фундаментальными свойствами семантической системы языка, относящимися к понятию «наивная модель» мира. Русский ученый констатирует, что решающее значение имеет авторская точка зрения, которая может изменить способ восприятия пространства [9, с. 85]: «Рассмотрение дейктических элементов в составе лексических и грамматических значений позволяет сделать вывод, что язык не только антропоморфичен, но и, так сказать, автороморфичен, причем в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время. Многое в нем пронизано авторской точкой зрения на рассматриваемые объекты, т.е. точкой зрения говорящего или наблюдателя, которого мыслит говорящий» [9, с. 92]. Автороморфическая точка зрения как дейктогенный оператор «дейктирует» различные части художественного пространства текста и увеличивает его разговорность. Гротеск как текстуальная мегадейктема побуждает Читателя разговаривать полифонично с Автором о «мелочах жизни» и «смысле существования» посредством эстетики, как прямого, так и имплицитного дейксиса. Омнидейктическая гротескная модель предлагает и омниразговорную платформу для коммуникации, которая осуществима благодаря дейктической рефлексии, уходящей корнями в наивную физику (термин Ю. Апресяна). Дейксисогенез ведет свое начало от релятивизации времени и пространства, чей единственный ориентир – говорящий. Он является центром Вселенной и событий, фокусом, относительно которого располагает все существующее и происходящее. Его позиция решающая для конфигураций и отношений между предметами во времени-пространстве. И поскольку именно наивная физика, которая легла в основу языка, должна быть признана одной из самых глубоких лингвистических универсалий [см. 9, с. 92], «разговорность» гротеска как дейктема приобретает универсальные измерения. Покидая границы национально-этнического, благодаря своему разговорному характеру она становится омникоммуникативной величиной с ярко выраженными смыслопорождающими и смыслокоординирующими функциями.

7.1. Местоимения, как прямые дейктические интенсификаторы, увеличивают градус и динамику коммуникации, потому что в поле зрения, общем для А и Ч, имеют место указанные, зафиксированные сознанием, предметы. Анафора и катафора тоже направляют внимание на предметы, которые еще не покинули сознание собеседников. Посредством дейктика Ч напрямую «имплантируется» в поле А; отождествляется с литературными героями и ситуациями. Может быть, на первый взгляд вопросительные и неопределенные местоимения трудно определить как дейктические, но латентно они таковы. Эти местоимения словно бросают вызов

сознанию и катализируют его, заставляют его работать более интенсивно, профилировать определенные сегменты и отделить их от множества.

Амплификация и эскалация местоименной дейктики, подпитываемой и падежно-пространственными ориентирами, строит каркас гротескного изображения, увеличивая разговорность в диалоге между героями. На вид прямой прономинальный дейксис играет роль медиума, транслятора и эвфемизатора по отношению к подлинному, имплицитному дейксису, который фактически указывает на глубоко интимный, конфузный акт Леона. Именно благодаря наглядной разговорности коммуникативного послания нет опасности непонимания и недоразумения между партнерами. Иронический деминутив, интеррогативы, многочисленные эллипсы, междометия, повторение, иллюстрирующее напряженный и процессуально-длительный характер действия (также как и репетитивные параллелизмы), метатекстовые операторы составляют рельефный, непрямой дейктический «антураж» дейктической арматуры. Семантическая криптограмма Леона превращается в развернутую коммуникативную платформу для плодотворного общения с нарратором, а посредством него и с трансцендентным космическим пространством.

7.2. Девербативы (*Nomina actionis*) в качестве дейкторов функционируют как эллипсы-заместители целых предложений и латентно выполняют дейктические функции.

Рассматривая отглагольные имена как продукт семантической деривации в контексте актуализации пропозиционального содержания слова, В. Ли констатирует, что смысловые операции над актантной рамкой приводят к формированию новых производных значений в пределах заданного семантического континуума. В результате преобразования семантико-синтаксических отношений между актантами образуется новая содержательная единица в пределах единого когнитивно-пропозиционального пространства (поля) [10, <http://gisap.eu/ru/node/28828>].

«В группе отглагольных имен (имен ситуаций) по мере понижения степени вербогенности, т.е. степени влияния глагольного значения на семантическую структуру отглагольных имен, на передний план выдвигается предметное значение, прежде всего абстрактной предметности, не утрачивающей, однако, связи с категориальным значением глагольного слова вообще, что дало основание некоторым лингвистам говорить об «опредмеченном» действии как основном значении отглагольных существительных» [Там же].

7.3. Инфинитивы как модальные компендиумы и предикативные компрессии дейктируют состояние потенциальности. Оно тоже роднит их в какой-то мере с субстантивами и ситуирует их в одном ряду. Эссенциальная активность глагольных инфинитивных конструкций непрерывная, но действие в них скорее абстрактное, напоминающая об относительной статике кругового движения, т.е. движения на месте, что тоже центрирует их как гротескные ядра. Они позволяют воспринимать действие как экзистенциально-всеохватное и обладают высокой разговорной ценностью, побуждая Ч к размышлению, а также стимулируют его диалог с А. По мнению С. Йодловского, инфинитив, в отличие от финитного глагола, представляющего действие как протекание (т.е. в темпоральной кинетике), является формой изоляции протекания, но все еще предметно необособленная и неидентифицированная: «[...] nie jest więc w ścisłym znaczeniu nazwą czynności; to jakby *imagintivus*, wymieniający tok, ale nie waloryzujący go logicznie» («[...] следовательно, не название действия в точном смысле слова, но какой-то *имагинатив*, называющий протекание, не оценивая его логически») [11 с. 36–37].

Краткое обозрение только части проблематики, связанной с разговорностью гротескной ткани в произведениях В. Гомбровича, привело к следующим результатам:

1. Посредством разговорности артистического слова В. Гомбрович возрождает и обновляет язык, заставляя его де-формализоваться и де-маскироваться, чтобы добраться до его чистой универсальной Формы, незасоренной «осадочными»

наслоениями конвенций и стандартов. С помощью аббераций и эквилибристики своего идиолекта он сам предохраняет себя от о-формления. Конвенциональной Форме он противодействует посредством Формы искусства и, таким образом, постоянно самосотворяется.

2. Высокая перформативность разговорного языка в гротескной панораме художественного текста увеличивает коммуникативную плотность диалога Автор – Читатель, стимулирует рефлексивную деятельность коммуникантов, динамизирует их общение и делает их главными действующими лицами на гротескной сцене. Гротеск, со своей стороны, влияет реципрокно на разговорный язык, придавая ему колоритность, картинность, смелую и богатую ассоциативность изображения, поддерживая вместе с тем ощущение его открытости и неокончателности.

3. Благодаря подпитываемому разговорным языком чувству общности, непрерывности и перспективности (прогрессивности) общения в зоне гротеска, мы можем говорить о **гротескном дискурсе** на базе консолидированных, хотя и контрарных, элементов и внутренних кореферентных связей, обеспечивающих целостность восприятия.

4. Посредством разговорного языка гротеск «бунтует» против рутины и стандартных кодов в художественной литературе, резко снижая или даже предотвращая риск редундантности в тексте.

5. Гротеск проявляет склонность к разговорности. Подчеркнутая открытость, спонтанность и непринужденность высказывания, нетерпимость к директивам извне, шаблонам и проторенным путям, а также стремление к игровому экспериментированию с любыми формами и средствами, характеризуют оба явления. «Мультистилистический» разговорный язык, подобно гетерогенному гротеску, снимает иерархию и делает равноценными бытийности.

6. Благодаря разговорному синтаксису, отличающемуся низкой степенью аккомодативности, высокой степенью ассоциативности и относительной или полной независимостью от контекста, становятся возможными сублимация, трансфигурация и трансцендентность предметов в гротескной картине.

7. Гротескное изображение в художественной литературе показывает, как устный язык обогащает письменный.

8. Омнидейктичность гротеска иллюстрирует универсальный характер разговорности в коммуникативной платформе, что делает ее наднациональной, надэтнической категорией.

9. Креативные ресурсы разговорного языка в гротескном изображении способствуют «владению» языком со стороны Автора и превращают это владение во владение собой, самосовершенствование и саморазвитие.

Выводы. Исследованная проблематика поможет ученым не только выделить разговорность как ключевое понятие в штудировании художественного произведения, но и обосновать фундаментальность этого феномена как в рамках языкового гротеска, так и в самом языке. На основе сравнения роли и функций речевых актов разговорного языка в устной речи и в гротескно маркированном художественном языке, можно дополнить и обогатить теорию речевых актов в лингвистической прагматике. Можно также при помощи гротеска подтвердить деривационный характер категории «стиль» и проследить ее эволюцию. Плотная интеграция и взаимная индукция между разговорным и художественным языком вскрывает и усугубляет функциональное богатство языка со специальным акцентом на триаде репрезентативная, экспрессивная и импрессионная функции. Таким образом упрочняется коммуникативная связь между Автором и Читателем, оттеняется роль Читателя в воссоздании и досотворении гротескной образности, очерчивается социативно-интегративная природа разговорного языка, его емкий и метаморфичный характер. Разговорный язык подпитывает гротеск, а гротеск со своей стороны дает ему новый толчок, делает его более гибким и динамичным. Благодаря разговорному языку, обнаруживается одновременно первичность и результативность гротеска. В

эстетическом пространстве литературного слова разговорный язык при помощи гротеска подвергается стилизации и сублимации. Разговорный язык есть «откровение» для гротеска, сквозь который проскальзывает авторская ирония непонимания роли самого гротеска и генеративной способности самого языка. Со своей разговорной динамикой гротеск отнимает и прихватывает гегемонию языка над человеком, превращая ее в материю для креативной обработки. Разговорная гротескность проявляется и как катализатор неологической эквилибристики. Разговорная стихия гротеска противодействует языковой диктатуре и либерализует язык посредством артистической свободы художественного слова.

**ПОТЕНЦИАЛ РОЗМОВНОЇ МОВИ
В ГРОТЕСКО ДОМІНУЮЧОМУ ХУДОЖНЬОМУ ВИСЛОВЛЮВАННІ
(НА МАТЕРІАЛІ ТВОРЧОСТІ ВІТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА)**

Д. Г. Хамзе, асистент,

*Пловдивський Університет ім. Паїсія Хілендарського, Болгарія
E-mail: didiham@abv.bg; hamze.didi@gmail.com*

Мета даного дослідження полягає у виявленні можливості багатоаспектного аргументування ролі розмовної мови в рамках гротескного зображення в художньому тексті, в зондуванні естетико-стилістичної інтеграції (фузії) в полі гротеску і взаємної індукції гротеску і розмовності, а також у виявленні розмовної мови в літературному творі як генератора плідної комунікації між Автором і Читачем. Основні результати проведеного дослідження стосуються насамперед мови, що сприймається як когнітивно-прагматичний і естетико-динамічний феномен в його багатообразних перевтіленнях, а саме: розмовності артистичного слова (в конкретному випадку польського письменника Вітольда Гомбровича) відроджувати, запліднювати і деформалізувати мову; перформативності розмовної мови в гротескній картині як «підсилювача» комунікативної цільності діалогу Автор – Читач; цілісної природи розмовної мови як творця і катализатора гротескного дискурсу; текстотвірної ролі гротескної образності з розмовним «забарвленням», що запобігає ризику редувантності в тексті; розмовного афінитету гротеску, що виявляє його гетерогенність, яка відповідає «мультистилістичній» сутності розмовної мови, що знімає, за подобою гротеску, ієрархію і егалітаризує буттєвість; розмовності в гротескній панорамі, яка доводить свій універсальний характер, що робить її наднаціональною, надетнічною категорією і утворює факт, що «усна» мова збагачує писемну.

***Ключові слова:** комунікація, розмовність, художність, когнітивна прагматика, гротеск, Автор, Читач.*

**THE POTENTIAL OF COLLOQUIAL SPEECH
IN THE GROTESQUELY DOMINATED LITERARY EXPRESSION
(BASED ON STATEMENTS OF WITOLD GOMBROWICZ)**

D. G. Hamze, assistant-professor

*Plovdiv University Paissiy Hilendarski, Bulgaria
E-mail: didiham@abv.bg; hamze.didi@gmail.com*

This survey aims to justify in a number of aspects, the role of colloquial speech within the frame of the grotesque expression in the literary text, to examine the aesthetic and stylistic integration (fusion) within the scope of the grotesque and the mutual induction between grotesque and colloquialism, as well as to identify the colloquial speech in the literary work as the trigger of fruitful communication between Author and Reader. The main results from the carried survey concern mainly the language perceived as a cognitive and pragmatic and aesthetic and dynamic phenomenon in its many incarnations, namely the conversational capacity of the artistic word (in this instance that of the Polish writer Witold Gombrowicz) to revive, fructify and de-formalize language; the performance-driven colloquial style in the grotesque image as an «amplifier» of the communicative density of the dialogue Author-Reader; the community nature of the colloquial exchange as the creator and the catalyst of the grotesque discourse; the text-forming role of the grotesque imagery with a conversational tint as the eliminator of the risk of redundancy in the text; the conversational affinity of the grotesque, which sets out its heterogeneity, corresponding to the „multi stylistic” essence of the conversational tongue, which like the grotesque itself, discards hierarchies, levels the forms of existence; the colloquialism of the grotesque panorama, which proves its universal character, thus being a Supranational, a supra ethical category and confirms the fact that the „speech” enriches the written language.

***Keywords:** communication, conversation, artistry, cognitive pragmatics, grotesque, author, reader.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kiklewicz Al. Podstawy składni funkcjonalnej / Al. Kiklewicz. - Olsztyn : UWM, 2004.
2. Furdal A. Językoznawstwo otwarte / A. Furdal. - Wrocław : Ossolineum, 2000.
3. Wierzbicka A. Praktyczna stylistyka / A. Wierzbicka, P. Wierzbicki. - Warszawa : Wiedza Powszechna, 1968.
4. Bartmiński J. Styl potoczny jako centrum systemu stylowego języka / J. Bartmiński. - W. : Poradnik Językowy, 1991. - Cz. 1-2, C. 10-23.
5. Залевская А. А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» / А. А. Залевская [эл. ресурс] // Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics : Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences. - London : IASHE, 2012. - P. 189-191; Режим доступа : <http://gisap.eu/ru/node/12631>; 09.06.2012 г.
6. Залевская А. А., Что там – за словом? / А. А. Залевская [эл. ресурс] // Verbal Culture of the Humanity through the Prism of Ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philological Sciences. - London : IASHE, 2013. - P. 28-31.; Режим доступа : <http://gisap.eu/ru/node/29004>; 23.07.2013 г.
7. Muszyński Z. «Profilowanie» profilowania. W: Profilowanie w języku i w tekście / Z. Muszyński : red. J. Bartmiński, R. Tokarski. - Lublin : WUMCS, 1988. - S. 19-34.
8. Wysoczański W. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków / W. Wysoczański. - Wrocław : WUW, 2005.
9. Апресян Ю. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира / Ю. Апресян // Teoria tekstu. Zbiór studiów : red. T. Dobrzyńska. - Kraków - Wrocław : Ossolineum, 1986. - S. 83-98.
10. Ли В. Актуализация пропозиционального содержания слова (к проблеме онтологии понятия словесной культуры) / В. Ли [эл. ресурс] // Verbal culture of the humanity through the prism of ages (London, July 18 - July 23, 2013). - London : Published by IASHE, 2013. - P. 25-28; Режим доступа : <http://gisap.eu/ru/node/28828>; 23.07.2013.
11. Jodłowski S. Próba zarysowania polskiego systemu części mowy / S. Jodłowski // Współczesna polszczyzna 6. Wybór opracowań. Części mowy : red. J. Bartmiński, M. Nowosad Bakalarczyk. - Lublin : WUMCS, 2003. - S. 35-38.

LIST OF REFERENCES

1. Kiklewicz Al. Podstawy składni funkcjonalnej / Al. Kiklewicz. - Olsztyn : UWM, 2004.
2. Furdal A. Językoznawstwo otwarte / A. Furdal. - Wrocław : Ossolineum, 2000.
3. Wierzbicka A. Praktyczna stylistyka / A. Wierzbicka, P. Wierzbicki. - Warszawa : Wiedza Powszechna, 1968.
4. Bartmiński J. Styl potoczny jako centrum systemu stylowego języka / J. Bartmiński. - W. : Poradnik Językowy, 1991. - Cz. 1-2, C. 10-23.
5. Zalevskaya A. A. The meaning of the word and the metaphore «a living policode hypertext» / A. A. Zalevskaya [electronic resource] // Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences, London : IASHE, 2012. - 189-191 p.; Access: <http://gisap.eu/ru/node/12631>; 09.06.2012 г.
6. Zalevskaya A. A. What is hidden there – behind the word? In: Verbal Culture of the Humanity through the Prism of Ages / A. A. Zalevskaya [electronic resource] // Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philological Sciences. - London : IASHE, 2013. - 28-31 p.; Access : <http://gisap.eu/ru/node/29004>; 23.07.2013.
7. Muszyński Z. «Profiling» specialization / Z. Muszyński // Profilowanie w języku i w tekście; edit. by J. Bartmiński, R. Tokarski. - Lublin : WUMCS, 1988. - 19-34 p.
8. Wysoczański W. The language panorama of the world in the lexicalized comparisons based on materials from selected languages / W. Wysoczański. - Wrocław : WUW. - 2005.
9. Апресян Ю. Nekotorye soobrazheniya o deyksise v svyazi s ponyatiyem naivnoy modeli mira / Yu. Апресян // Teoria tekstu. Zbiór studiów; edit. by T. Dobrzyńska. - Kraków - Wrocław : Ossolineum, 1986. - 83-98 p.
10. Li V. Updating the propositional content of the word (on the issue of the ontology of the spoken culture) / V. Li. [electronic resource] // Verbal culture of the humanity through the prism of ages (London, July 18 - July 23, 2013). - London : Published by IASHE, 2013. - 25-28 p.; Access : <http://gisap.eu/ru/node/28828>; 23.07.2013.
11. Jodłowski S. An attempt towards the structuralization of the Polish parts of the speech / S. Jodłowski // Współczesna polszczyzna 6. Wybór opracowań. Części mowy; edit. by J. Bartmiński, M. Nowosad Bakalarczyk. - Lublin : WUMCS, 2003. - 35-38 p.

Поступила в редакцию 3 февраля 2016 г.